Не могу сказать, что он «рисовал всегда». Позже, когда я стал все чаще бывать на выставках и отмечать знакомые персонажи, темы, манеру исполнения в его произведениях, лишь тогда пришла мысль: «А мой папа рисует не только для нас с братом!» Меня тогда поражали размеры его работ более всего остального. Потом я понял, что все это — графика!

Много позже мне стала доступна и его живопись, занятия которой он не считал искусством: так, обычная практика... Зато благодаря тем этюдам я понял, что отец побывал во всех уголках Дальнего Востока — Сахалин и Камчатка, Колыма и Приморье, БАМ и Чукотка. Работы, привезенные оттуда, надолго поселились в нашей мастерской.

Конечно, главное, чем запомнился хабаровский художник Евгений Иванович Вольгушев своему зрителю, — это графические циклы «За горизонтом», «Выстрелы», «Изорифмы», «Работа у них такая», «Страсти-мордасти», «В заоблачную высь», «Х и Е 146», «Чукотские промыслы». На этих сериях и я учился. И не только профессионализму.

Когда после окончания московского худграфа отец выбрал местом своего трудоустройства Дальний Восток (Биробиджан, потом Хабаровск), никто и не думал, что поездка «за туманом» станет его судьбой на всю жизнь. А вышло именно так. Наши масштабы и трудности, характеры и радости, наши моря и реки, небеса и горы превратили урожденного волжанина Евгения Вольгушева в убежденного дальневосточника.

Конечно, Москва и окрестности были для него местом притяжения все годы. Здесь остались родители и сестры, одноклассники и коллеги, которые ждали и радовались каждой встрече. Но не они влекли отца в Центральную Россию. Дом творчества графиков «Челюскинская» — любимое место нескольких поколений художников Союза и России. Мне довелось работать там, и скажу: идеальное место для творческого человека существует! Добрые друзья — художники, высокопрофессиональные мастера-печатники и изготовители уникальных инструментов — комфортные условия проживания, неограниченный запас времени для реализации замыслов... А сосновый лес за окнами! И как тут не сотворить что-нибудь эдакое! Потому так часто отец стремился на «Челюху».

Искусство эстампа, особенно в его больших формах in folio (целый лист, *лат.*), требует особых и разных условий, которые не может иметь отдельный художник, даже крупный.

Так вот, отец очень редко учил меня непосредственно: мол, делай так, а так не делай. Очень многое о природе творчества (да и жизни) я уяснил из его фраз, ставших для меня крылатыми:

Надо любить не себя в искусстве, а искусство в себе.

Создавая что-то, не спеши с этим к зрителю. Вдруг завтра ты сам не захочешь стать этим зрителем.

Художник-педагог знает, как надо. И этому учит. А художник знает, как не надо. И поэтому всегда в поиске.

Живя сегодня, нельзя быть несовременным. Но это верно при одном условии: будь искренним.

Отец мой очень ценил Слово. Отсюда его дружба с писателями, поэтами и журналистами. Его сотрудничество с Хабаровским книжным издательством было долгим и плодотворным. И как результат — около пятидесяти книг с иллюстрациями Е. И. Вольгушева.

Были у него и собственные «рифмы». Некоторые, как мне кажется, достойны быть прочитанными за пределами нашей семьи. Хотя такой задачи — непременно напечататься — у нас не было и нет.

С печатным словом педагога-художника знакомы многие из его коллег. Свыше сорока лет отец преподавал на хабаровском худграфе. А ведь работа в вузе — не только экзамены и пленэры, заседания и просмотры, но и конференции, рецензии и статьи, которых у него немало.

Хочется привести слова Александра Чернявского, известного в городе журналиста, хорошо знавшего отца и его творчество: «Евгений Вольгушев был типичным «шестидесятником». Он органично совпал со временем разбуженных умов и раскрепощенных чувств».

Как бы ему пришлось жить сегодня? Боюсь даже представить: не та страна, не та эпоха, иные ценности завоевывают мир.

В детстве я услышал от отца строчки, которые он любил повторять:

Коль разум с сердцем в бой вступают,
Они равны в борьбе своей.
Но разум сердцу уступает.
Ведь он умней.

М. Лохвицкая

Так он и жил.